

**ХУАН ПАБЛО
ЭСКОБАР**

**МОЙ
ОТЕЦ**

**ПАБЛО
ЭСКОБАР**

**ВЗЛЕТ
И ПАДЕНИЕ
КОЛУМБИЙСКОГО
НАРКОБАРОНА
ГЛАЗАМИ ЕГО
СЫНА**

18+

Хуан Пабло Эскобар
Мой отец Пабло Эскобар.
Взлет и падение колумбийского
наркобарона глазами его сына
Серия «По ту сторону закона.
Люди, кланы, группировки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68809263

*Мой отец Пабло Эскобар. Взлет и падение колумбийского наркобарона
глазами его сына:
ISBN 978-5-04-181223-2*

Аннотация

Пабло Эскобар – колумбийский наркобарон и террорист. Эскобара называют «Королем кокаина», поскольку он был лидером Медельинского картеля, контролировавшего к концу 1980 года 80% от мирового рынка кокаина. По сей день является одним из самых известных, жестоких и богатых преступников в истории.

О взлете и падении Пабло Эскобара, самого известного наркодельца всех времен, сказано много. Однако все это рассказывалось посторонними людьми, не знающими его

достаточно близко. И наконец, свое молчание прервал его старший сын, Хуан Пабло Эскобар.

Спустя более двух десятилетий после того, как охота на кокаинового короля успешно завершилась, сын Пабло Эскобара отправился в прошлое и раскрыл всю правду о своем отце. С помощью самых разных воспоминаний Хуан Пабло Эскобар рассказывает нам о том, каким же на самом деле был его отец: невообразимо жестоким и пугающим, при этом бесконечно сильно любящим свою семью.

Это история не ребенка, маленького мальчика, отчаянно ищущего искупления для отца, а шокирующий взгляд на последствия нескончаемого насилия, смешанного с безграничной потребностью в прощении и мире.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Слово редактора	7
Введение	9
1	14
2	30
3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Хуан Пабло Эскобар
Мой отец Пабло
Эскобар. Взлет и
падение колумбийского
наркобарона
глазами его сына

Juan Pablo Escobar

PABLO ESCOBAR, MI PADRE BY JUAN PABLO
ESCOBAR

© 2014, 2020, Juan Sebastián Marroquín Santos

© 2014, 2020, Editorial Planeta Colombiana S.A.

2021, Latin American Rights Agency – Grupo Planeta

© Буянова Д.М., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Моему сыну, дающему мне силы и энергию быть
хорошим человеком.*

*Моей бесконечно верной возлюбленной и
спутнице во всех приключениях.*

Моей храброй маме.

Моей любимой сестре.

Моей дорогой семье.

И тем немногим друзьям, которые победили

српх.

Слово редактора

«Мой отец – Пабло Эскобар» – возможно, один из самых сложных проектов, которыми в последнее время занималась медиагруппа *Planeta*.

До недавнего времени казалось, что о знаменитом наркоторговце уже все сказано: о нем написали лучшие писатели, самые авторитетные журналисты и даже его братья. Да что там, жизнь мафиозного главы воссоздали на большом экране!

Прошло целых двадцать лет, прежде чем Хуан Пабло Эскобар, его сын, решился поведать о жизни, которую не выбирал, ее специфике и нюансах и о диковинном обличье отцовской любви в среде, полной пресыщенности и насилия. Одна за другой детали, о которых никто прежде даже не упоминал, создают для нас еще более сложную картину.

Впрочем, одним уточнением «портрета» книга не ограничивается. «Мой отец – Пабло Эскобар» позволяет нам по-новому взглянуть на множество событий, происходивших тогда в стране.

Более года Хуан Пабло Эскобар, сменивший имя на Хуан Себастьян Маррокин, и издательство *Planeta* посвятили работе над этим проектом, в котором, помимо редакционной вычитки, каждое слово должно было пройти строгую проверку на подлинность.

Огромная значимость темы, незажившие раны, тысячи людей, ставших жертвами, и десятки расследований – как завершённых, так и продолжающихся – делают эту книгу не только хорошо оформленной историей, но и важным источником информации как непосредственно в Колумбии, так и в других странах.

Введение

Я более двадцати лет хранил молчание, пока собирал свою жизнь в изгнании по крупицам. Всему свое время, и этой книге, как и ее автору, следовало повзрослеть, осознать необходимость самокритики и смирения. Только после этого я был готов сесть и записать истории, которые по сей день остаются для колумбийского общества камнем преткновения.

Да и сама Колумбия за прошедшие годы созрела для того, чтобы услышать эти слова. Поэтому я и решил, что пришло время рассказать читателям о своей жизни рядом с человеком, который был мне отцом, которого я безоговорочно любил и с которым по воле судьбы разделил немало важных для Колумбии мгновений.

Со дня моего рождения и до своей смерти отец был мне другом, проводником, учителем и доверенным советчиком. Однажды, когда он еще был жив, я как-то попросил его записать свою настоящую биографию, но он не согласился. «Грегори, прежде чем писать историю, следует завершить ее».

Я клялся отомстить за смерть отца, но не прошло и десяти минут, как я эту клятву нарушил. Человек переменчив. И вот уже более двадцати лет я живу, руководствуясь четкими, но совершенно иными правилами, основанными на толерантности, мирном сосуществовании, диалоге, прощении,

справедливости и примирении.

Этой книгой я не пытаюсь никого упрекнуть. Я предпочел бы, чтобы она побуждала читателей задумываться о том, как устроена наша родина и ее политика, и почему Колумбия возвращает таких людей, как мой отец.

О моем отце писали многие, и главное отличие своей книги я вижу в том, что писал без скрытых мотивов, с уважением к жизни, которую он прожил, – и к любой жизни, жизни как движущей силе мира.

И, разумеется, я не претендую на абсолютную истину. Это некий поиск, почти паломничество, попытка увидеть жизнь моего отца в новом приближении. Это личное, почти интимное расследование. Это попытка заново открыть человека со всеми его достоинствами и недостатками. Большинство этих историй он рассказывал мне, когда мы грелись у костров долгими холодными ночами в последний год его жизни. Другие он оставил мне в письменных заметках, когда его враги были предельно близки к тому, чтобы уничтожить нас всех.

Такой взгляд на историю жизни отца привел меня к знакомству с людьми, скрывавшимися на протяжении многих лет. Только сейчас они согласились уделить этой книге толику своего внимания, чтобы внести необходимую ясность в мои умозаключения и выводы издательства. И что еще важнее – чтобы больше никто и никогда не поддавался подобному дьявольскому искушению.

Я не всегда был рядом с отцом, я не знаю всех историй,

с ним связанных. Любой, кто утверждает, что знает их все, лжет. Истории, содержащиеся в этой книге, стали известны мне спустя долгое время после того, как эти события произошли. Отец никогда не советовался ни со мной, ни с кем бы то ни было другим; все решения он принимал только сам.

Многое о моем отце, что можно назвать правдой, известно от силы наполовину, а то и неизвестно вовсе. Именно поэтому задача рассказать о его жизни сопряжена с большим риском и столь же немалой ответственностью. К моей великой печали, из того, что когда-либо говорилось о нем, далеко не все, что вписывается в его образ, имеет отношение к реальности. Но я уверен, что стальной фильтр истины, установленный редактором издательства *Planeta* Эдгаром Тельсом, способствовал исправлению такого положения и успеху всего проекта.

Это очень личное и насколько возможно глубокое исследование внутреннего мира человека, который, помимо того, что был моим отцом, возглавлял одну из самых крупных мафиозных организаций в истории человечества.

Я публично прошу прощения у всех жертв моего отца, у каждой из них. То, что множество невинных людей пострадали от беспрецедентного насилия, погибли в жерновах необъявленной войны, не оставляет мне шанса обрести покой. Всем этим душам я говорю: здесь и сейчас я стремлюсь почтить память каждого из них. Эта книга написана со слезами по отцу, но без желания вернуть былое. Не из желания

разоблачить или отомстить. Без попыток оправдать насилие и тем более преступления.

Читателя, несомненно, удивит содержание первых глав, поскольку я впервые раскрою глубокий конфликт с родственниками по отцовской линии. После двадцати с лишним лет непрерывных ссор с ними я уверен, что кое-кто из них горячо желал смерти отца или даже активно способствовал трагической развязке.

Я не ошибусь, если скажу, что семья моего отца преследовала нас безжалостнее, чем его злейшие враги. Все, что я говорил и делал в их отношении, всегда имело в основе абсолютное почтение к семейным ценностям, которые нельзя презреть даже в ходе самой страшной войны, и уж точно не за деньги. Богу и моему отцу известно, что я, как никто другой, хотел верить, что эта болезненная семейная драма была лишь кошмаром, а не реальностью, с которой я должен был столкнуться.

Я благодарен отцу за его жесткую искренность, которую волей судьбы я понял, но не принял и не оправдываю.

Когда в документальном фильме «Грехи моего отца»¹ я просил прощения, дети убитых лидеров Луиса Карлоса Галана и Родриго Лара Бонилья сказали мне: «Ты тоже жертва». И мой ответ на это не изменился с тех самых пор: если

¹ Грехи моего отца (исп. *Pecados de mi padre*) – аргентино-колумбийский документальный фильм 2009 г. режиссера Николаса Энтеля о Пабло Эскобаре. (Прим. ред.)

даже я и жертва, в длинном списке других колумбийцев я на последнем месте.

На отце лежит ответственность за свою судьбу, за свои поступки, за свой жизненный выбор – как главы семьи, как отца, как личности, и кроме того – как преступника, нанесшего и Колумбии, и остальному миру глубокие, незаживающие, по сей день открытые раны. Я мечтаю, чтобы однажды они затянулись, и даже это страдание послужило благому делу: чтобы, получив этот горький урок, никто не осмелился повторить подобное.

Я не был слепо преданным сыном. Я подвергал сомнению решения отца и много раз умолял его оставить ненависть, опустить оружие и хотя бы попытаться найти решение без насилия.

Из различных суждений о жизни моего отца можно составить новую вселенную, но для всей этой вселенной останется общим одно: его безусловная любовь к семье.

Я – человек, который хочет, чтобы его помнили за его собственные поступки, а не за деяния отца. Надеюсь, что читатель не забудет обо мне, читая эти рассказы, и не станет путать меня с моим отцом. Ведь это и моя история тоже.

Хуан Пабло Эскобар

1

Предательство

3 декабря 1993 года, спустя две недели после смерти отца, нам внезапно позвонили из Медельина: на моего дядю Роберто Эскобара², содержащегося в тюрьме Итагуи, было совершено покушение, – ему пришло письмо с бомбой.

Мы в это время жили в апартаменте «Резиденция Такендама» в Боготе под усиленной охраной. Обеспокоенные, мы попытались выяснить, что случилось, но никто не мог нам ничего сказать. В теленовостях сообщили, что Роберто вскрыл бумажный конверт, присланный из прокуратуры, и последовал взрыв. Дядю увезли в клинику Лас-Вегаса с серьезными травмами глаз и живота.

На следующий день позвонили мои тетушки и сообщили, что в клинике не нашлось необходимого офтальмологического оборудования. И как будто этого было недостаточно, прошел слух, что вооруженный коммандо пытался прикончить дядю на больничной койке.

Тогда моя семья решила перевезти Роберто в централь-

² Роберто де Хесус Эскобар Гавирия (исп. *Roberto de Jesús Escobar Gaviria*; род. 13 января 1947 г.), также известный как *El Osito* (Маленький Медведь) – брат наркобарона Пабло Эскобара, бухгалтер и соучредитель Медельинского наркокартеля. (Прим. ред.)

ный военный госпиталь в Боготе, который не только был лучше оборудован, но и обеспечивал адекватный уровень безопасности. Мать зафрахтовала медицинский борт за три тысячи долларов, и как только мы получили подтверждение, что Роберто поступил в больницу, мы решили навестить его вместе с дядей Фернандо, братом матери.

Когда мы вышли из отеля, мы были обескуражены, обнаружив, что агентов из Корпуса технических расследований Генеральной прокуратуры, защищавших нас с конца ноября, без предупреждения заменили на агентов городского отделения судебной полиции и разведки. Я тогда ничего не сказал дяде, но почувствовал, что произойдет что-то плохое. В других частях здания за охрану отвечали агенты Главного управления судебной полиции и разведки и Административного отдела безопасности, на улице же за нашу безопасность отвечала колумбийская армия.

Через пару часов ожидания в больнице к нам вышел врач Роберто и сообщил, что глаза пострадали непоправимо и их необходимо удалить. Однако на это требовалось разрешение, подписанное кем-то из ближайших членов семьи Роберто. Мы отказались подписывать. Мы просили врача сделать все возможное, чтобы сохранить Роберто зрение, пусть даже шансы на успех были чрезвычайно малы. Неважно, сколько это могло стоить. Мы были готовы даже отвезти его к лучшему офтальмологу, куда бы ни пришлось ехать.

Еще через несколько часов Роберто, пока не пришедшего

в сознание, вывезли из операционной и перевели в комнату, где рядом с ним постоянно находился охранник из Национального пенитенциарного и тюремного института. Лицо, живот и левая рука Роберто были перевязаны.

Мы терпеливо ждали, пока он не начал просыпаться. Наконец Роберто сказал, что различает свет и тень, но не может распознать формы: видимо, он не вполне еще отошел от анестезии.

Когда я увидел, что он пришел в себя, я сказал ему, что беспокоюсь. Если дядю попытались убить так скоро после смерти отца, следующими окажемся мы с матерью и сестрой. Наш разговор постоянно прерывали медсестры и врачи, ходящие по палатам. В отчаянии я спросил Роберто, не припрятан ли у отца где-нибудь вертолет, на котором мы могли бы сбежать. Что мы вообще можем сделать, чтобы пережить столь явную угрозу, исходящую от врагов моего отца?

Несколько секунд он молчал, а затем велел мне взять карандаш и бумагу.

– Запиши вот что, Хуан Пабло: «ААА». Отнеси это в посольство США. Скажи, что это я тебя послал, и попроси помощи.

Я сунул бумажку в карман и сказал Фернандо, что нам нужно пойти в посольство, но в этот момент вошел хирург Роберто и сообщил нам, что настроен вполне оптимистично, так как действительно сделал все возможное, чтобы спасти дядины глаза.

Мы поблагодарили доктора и попрощались, намереваясь вернуться в отель, но тот вдруг сказал, что я должен остаться в больнице.

– Что вы имеете в виду? Почему?

– Ваша охрана еще не прибыла, – ответил он.

Слова доктора еще сильнее расшевелили мою паранойю: если он все это время был в операционной, откуда ему знать что бы то ни было о нашей безопасности?!

– Я свободный человек, доктор. Или меня здесь задерживают? Как бы там ни было, я ухожу, – я решил настаивать. – У меня подозрения, что кто-то замышляет убить меня сегодня. Нам даже охрану сменили.

Я выглядел, вероятно, чрезвычайно напуганным, и он с нажимом ответил:

– Вы здесь под нашей защитой, а не под арестом. Это военный госпиталь, мы отвечаем за вашу безопасность, и мы можем доставить вас отсюда только под опеку государственных силовых структур.

– Доктор! Те, кто отвечает за мою безопасность там, снаружи – те же, кто собирается меня убить, – настаивал я. – Либо вы поможете мне, позволив покинуть больницу, либо я сбегу так или иначе. Я не сяду в машину к собственным убийцам.

Должно быть, доктор наконец правильно прочитал страх на моем лице, поскольку шепотом сказал, что не имеет ничего против и сейчас же подпишет бумаги, чтобы нас с дядей

Фернандо выпустили из больницы. Так мы украдкой вернулись в резиденцию «Такендама» и решили, что на следующий же день пойдем в посольство.

Рано утром, едва поднявшись, мы первым делом направились в номер нашей охраны на двадцать девятом этаже. Я поздоровался с агентом, которого знал под кодовым именем А1, и заявил, что нам нужен эскорт в посольство США.

– Зачем вам туда? – Он заметно удивился.

– Я не обязан сообщать о целях своих визитов. Вы сопровождаете нас, или я звоню генеральному прокурору и говорю, что вы отказываетесь?

– У нас сейчас недостаточно людей, чтобы сопроводить вас туда, – раздраженно возразил А1.

– Быть такого не может. Нас тут круглые сутки стережет охрана из сорока госагентов, плюс целый автопарк для нашей перевозки.

– Можете идти, если хотите, – еще более сердито заявил А1, – но я вас защищать не буду. И вы должны подписать отказ от нашей защиты.

– Принесите, и я подпишу.

Агент вышел в другую комнату за бумагой, а мы сочли, что лучше всего будет воспользоваться его отсутствием и сбежать из отеля. Бегом спустившись по лестнице, мы поймали такси и еще двадцать минут провели в пути в посольство США. В это время, в восемь утра, у ворот уже образовалась длинная очередь: все эти люди собирались подать за-

явление на американскую визу.

МОИ НЕРВЫ БЫЛИ НА ПРЕДЕЛЕ. НА ХОДУ ОБЪЯСНЯЯ, ЧТО ПРИШЕЛ НЕ ЗА ВИЗОЙ, Я ПРОТИСНУЛСЯ ЧЕРЕЗ ОЖИДАЮЩУЮ ТОЛПУ. ДОБРАВШИСЬ ДО БУДКИ У ВХОДА, Я ДОСТАЛ БУМАЖКУ С ТРЕМЯ БУКВАМИ «А» И ПОДНЕС ЕЕ К ТЕМНОМУ ПУЛЕНЕПРОБИВАЕМОМУ СТЕКЛУ.

Тотчас же четверо мускулистых мужчин начали фотографировать нас с Фернандо. Я не сказал ни слова, и вскоре один из них подошел и приказал следовать за ним.

Они не спросили ни имени, ни удостоверения личности, не стали обыскивать меня и даже не заставили проходить через металлоискатель. Три буквы «А», очевидно, были чем-то вроде охранный пропуска, гарантии безопасного прохода. Из-за паники мне даже в голову не пришло задуматься, что за дела были у брата моего отца с правительством США.

Я было собрался занять место в зале ожидания, когда появился немолодой, совершенно седой и очень серьезный мужчина почти с теми же словами:

– Я Джо Тофт, глава Управления по борьбе с наркотиками по Латинской Америке³. Следуйте за мной.

³ Управление по борьбе с наркотиками (англ. *Drug Enforcement Administration*, DEA) – с 1973 года агентство в составе министерства юстиции США, занимающееся борьбой с наркоторговлей. Джо Тофт возглавлял колумбийское бюро DEA до 1994 г. и сыграл решающую роль в ликвидации Пабло Эскобара и Медельинского наркокартеля. (*Прим. ред.*)

Он привел меня в ближайший офис и, едва закрыв дверь, спросил, что мне нужно.

– Я пришел просить о помощи, потому что они собираются убить всю нашу семью. Мой дядя Роберто велел сказать, что это он послал меня.

– Наше государство не может гарантировать вам какую-либо помощь, – заявил Тофт сухо и отстраненно. – Самое большее, что я могу сделать – порекомендовать вам судью в Штатах, который оценит ваши шансы на получение вида на жительство в нашей стране в обмен на ваше сотрудничество.

– Какое сотрудничество? Юридически я несовершеннолетний! – Я удивился: мне было только семнадцать.

– Вы можете очень помочь нам... – чуть улыбнулся Тофт. – Информацией.

– Информацией? Какого рода?

– О записях вашего отца, разумеется.

– Убив его, вы убили и все его записи, – теперь уже я говорил почти отстраненно.

– Я вас не понимаю, – сказал чиновник.

– В день, когда вы организовали смерть моего отца... Он хранил все важные сведения в своей памяти. Теперь он мертв. Единственное, что он доверял бумаге – информация о номерных знаках и домашних адресах своих врагов из картеля Кали⁴, но эта информация уже пару недель есть у ко-

⁴ Картель Кали (1977–1998) – колумбийский наркокартель, созданный Хиль-

лумбийской полиции.

– Ну, это судье решать, примут вас в США или нет.

– Тогда нам больше не о чем разговаривать. Большое спасибо.

Прощаясь, глава Управления по борьбе с наркотиками вручил мне визитную карточку:

– Если вы что-нибудь вспомните, не стесняйтесь, звоните.

На выходе из посольства США в моей голове вспыхнули новые вопросы. Эта внезапная встреча никак не улучшила нашу плачевную ситуацию, но, тем не менее, открыла глаза на то, о чем раньше мы и не подозревали: дядя Роберто был тесно связан с американцами. Американцами, которые всего три недели назад предлагали пять миллионов долларов за поимку отца. Которые направили в Колумбию все возможные военные мощности, лишь бы его схватить.

Я не мог поверить, что родной брат моего отца мог сотрудничать с нашим врагом номер один. То, что реальность оказалась именно такова, породило новые сомнения. Я не мог не задаваться вопросом: а что если Роберто, правительство США и группировка Лос Пепес⁵ сговорились против моего

берто и Мигелем Орехуэла и Хосе Сантакрусом Лондоньо по прозвищу Чепе. Картель в равной мере занимался наркоторговлей, вымогательством, похищениями, убийствами и незаконным оборотом оружия. До 1993 года воевал с Медельинским наркокартелем. (*Прим. ред.*)

⁵ Лос Пепес (исп. *Los Pepes*, акроним исп. *Perseguidos por Pablo Escobar* – «Преследуемые Пабло Эскобаром») – колумбийская во- оруженная группировка противников наркобарона Пабло Эскобара. Вела войну против Медельинского наркокартеля в начале 1990-х годов, уничтожила более 300 его сторонников. (*Прим.*

отца?

Эта теория все еще казалась безумной, но не невозможной, и теперь она заставила нас пересмотреть события, о которых мы раньше не особо задумывались. Когда мы с отцом прятались в загородном доме в холмах Белена, шестнадцатой коммуны Медельина, моего двоюродного брата Николаса Эскобара Уркихо, сына Роберто, похитили. Днем 18 мая 1993 года его схватили и увезли в придорожный ресторан «Катиос» на границе муниципалитетов Калдас и Амага в департаменте Антьокия.

Эту новость мы узнали, когда нам в панике позвонили родственники. Мы успели нарисовать себе дюжину самых ужасных сценариев, поскольку, исполненные рвения найти отца, Лос Пепес уже не раз нападали на членов нашей семьи со стороны как отца, так и матери. По счастью, где-то в десять вечера похитители отпустили Николаса целым и невредимым недалеко от отеля «Интерконтиненталь» в Медельине, и паника утихла сама собой.

Из-за того, что мы находились в бегах, мы все меньше и меньше общались с остальной семьей. Поэтому о похищении Николаса мы со временем и вовсе забыли, хотя и задавались вопросом, как же ему удалось выбраться живым: если судить по динамике войны между Лос Пепес, отцом и всеми желающими его убить, похищение, по сути, равнялось смертному приговору.

Если всерьез задуматься, как Николас смог спастись, этот вопрос превращался в другой: что получили Лос Пепес за то, что отпустили его всего через несколько часов после похищения? Насколько вероятно, что Роберто заключил сделку с врагами своего брата в обмен на жизнь сына?

Подтверждение этого союза я получил в августе 1994 года, через восемь месяцев после визита в посольство США. Вчетвером с матерью, сестрой Мануэлой и моей девушкой Андреа мы отправились посмотреть, что же осталось от нашего основного владения – Неапольской усадьбы⁶. Генеральная прокуратура дала разрешение на эту поездку, поскольку матери было нужно встретиться с влиятельным местным наркобароном и передать ему часть отцовской собственности. В один из тех вечеров мы шли по старой взлетно-посадочной полосе усадьбы, когда нам позвонила тетя по отцовской линии, Альба Марина Эскобар, и сообщила, что хочет встретиться с нами ночью, чтобы обсудить одно срочное дело.

Мы сразу же согласились: в нашей семье слово «срочно», как правило, означало, что чья-то жизнь в опасности. Той же ночью тетя прибыла в поместье совсем без багажа. Мы встретили ее в доме управляющего, единственном здании, пере-

⁶ Неапольская усадьба (исп. *Hacienda Napoles*) – поместье Пабло Эскобара площадью около 20 кв км, построенное в 1978 году недалеко от города Пуэрто-Триунфо. Включает частный зоопарк, несколько озер, гоночную трассу, аэропорт и арену для боя быков. Именно здесь Эскобар и его семья проводили большую часть времени.

жившем войну. Госагенты, охранявшие нас, остались ждать снаружи, и мы направились в столовую, где угостили тетю мясным рагу. Затем она намекнула, что будет говорить со мной и матерью.

– У меня для вас сообщение от Роберто.

– Что случилось? – с тревогой в голосе спросил я.

– Ничего, кроме радости! Вам всем могут дать визы в США.

– Отлично! Но как ему это удалось?

По ее лицу пробежала тень.

– Конечно, не сразу. Сначала нужно кое-что сделать.

Ее тон совершенно не внушал доверия.

– Все просто... Роберто поговорил с людьми из Управления по борьбе с наркотиками... И они попросили его об одном одолжении в обмен на визы для всех вас. Все, что вам нужно сделать, – это написать книгу. Неважно, о чем, главное – упомянуть в ней имена твоего отца и Владимиром Монтесиноса⁷, это глава спецслужбы президента Перу Фухимори⁸. Кроме того, должно быть написано, что вы видели его здесь, в Неапольской усадьбе, что он разговаривал с Пабло, и что Монтесинос прилетел сюда на самолете. Все остальное

⁷ Владимиром Ленин Ильич Монтесинос Торрес (исп. *Vladimiro Lenin Ilich Montesinos Torres*; род. 20 мая 1946 г.) – глава национальной службы безопасности Перу в 1992–2000 годах. (Прим. ред.)

⁸ Альберто Кэнъя Фухимори (исп. *Alberto Ken'ya Fujimori Inomoto*; род. 28 июля 1938 г., Лима, Перу) – президент Перу в 1990–2000 годах, этнический японец. (Прим. ред.)

неважно.

– Если честно, тетя, новости не такие уж хорошие, – перебил я.

– Что ты хочешь сказать? – Она искренне удивилась. – Разве вам не нужны визы?

– Одно дело, когда Управление по борьбе с наркотиками просит нас рассказать правду. С этим у меня нет никаких проблем. Но совсем другое – когда меня просят солгать ради чьих-то коварных целей.

– Да, Марина, – вступила мать, – то, чего они от нас хотят, и правда довольно сложно сделать. Как нам обосновать рассказы о том, чего никогда не было?

– Да какая разница? Может, вам не нужны визы? Вы не знакомы ни с Монтесиносом, ни с Фухимори, какая вам разница, что рассказывать о них? Вы хотите спокойной жизни. Вам говорят, что Управление по борьбе с наркотиками будет очень вам признательно, и что как только вы выполните эту просьбу, вас в США никто не побеспокоит. Вам даже предлагают возможность взять с собой деньги и тратить их как угодно, без какого-либо вмешательства со стороны правительства!

– Марина, я не хочу ввязываться в новые проблемы, выпуская фальшивые слухи.

– Бедный Роберто, он так старается вам помочь! Он нашел для вас лазейку, а вы отказываетесь!

Той же ночью Альба Марина в раздражении покинула

усадьбу.

А еще через несколько дней, уже по возвращении в Боготу, мне позвонила бабушка Эрмильда. Она сказала, что находится в Нью-Йорке с Альбой Мариной как туристка, и спросила, не привезти ли мне оттуда чего-нибудь. По своей тогдашней наивности я даже не задумался поначалу, что может означать ее звонок из США, и просто попросил ее купить несколько флаконов одеколona, недоступного в Колумбии.

Но как только я повесил трубку, я почувствовал себя не в своей тарелке. Каким образом бабушка могла оказаться в Соединенных Штатах всего через восемь месяцев после смерти отца, если, насколько мне было известно, визы всех членов семей Эскобар и Энао⁹ были аннулированы?

Складывалась уже целая серия событий, в которых мои родственники оказывались, по-видимому, как-то связаны с врагами отца. Но постоянная борьба за выживание не давала нам ни задуматься об этих подозрениях, ни найти какие-то подтверждения.

Несколько лет спустя, живя в изгнании в Аргентине, мы были шокированы новостью о том, что президент Перу Альберто Фухимори бежал в Японию и сообщил о своей отставке по факсу.

За неделю до этого журнал «Камбио» опубликовал интер-

⁹ Энао (исп. *Ненао*) – семья жены Пабло Эскобара, Марии Виктории. Брат сеньоры Виктории, Карлос Марио Энао Вальехо, был членом Медельинского картеля. (Прим. ред.)

вью, в котором Роберто утверждал, что мой отец влил миллион долларов в первую президентскую кампанию Фухимори в 1989 году. Дядя также заявил, что деньги были отправлены через Владимиром Монтесиноса, который, по его словам, посещал наше имение несколько раз, и добавил, что Фухимори обещал, что, став президентом, он облегчит моему отцу торговлю наркотиками со стороны Перу. В конце интервью Роберто отметил, что доказательств у него, разумеется, нет, поскольку «мафия не оставляет следов».

Несколько недель спустя в книжные магазины поступила и 186-страничная книга Роберто Эскобара «Мой брат Пабло», изданная «*Кинтеро Эдиторес*», которая «воссоздавала» историю связей отца с Монтесиносом и Фухимори.

В двух главах Роберто описывал визит Монтесиноса в Неапольскую усадьбу, планирование торговли кокаином с Перу, вливание миллиона долларов в кампанию Фухимори, телефонные звонки нового президента отцу с изъявлениями благодарности и сотрудничество в обмен на экономическую помощь. Сильнее всего меня зацепила одна фраза в конце книги: «Монтесинос знает, что я это знаю. И Фухимори знает, что я это знаю. Именно поэтому оба они лишились власти».

Роберто рассказывал о событиях, которым он якобы был свидетелем, однако ни я, ни мать ни разу не видели и не слышали ничего подобного.

Я не знаю, эту ли книгу нам предлагали написать в обмен

на визы в США. Единственное подтверждение своих предположений я получил лишь в 2003 году, да и оно было косвенным.

Итак, зимой 2003 года мне позвонил журналист-иностранец, в разговорах с которым я пару раз позволял себе обмолвиться о подозрениях насчет дяди и его связи с США. Он буквально кричал в трубку:

– Мне совершенно необходимо рассказать, что со мной только что произошло! Именно вам! Нет никаких сил ждать до завтра!

– Ну же, что случилось?

– Я только что ужинал в Вашингтоне с двумя бывшими агентами Управления по борьбе с наркотиками, участвовавшими в охоте на вашего отца! Я встречался с ними, чтобы обсудить возможный телесериал о жизни и смерти Пабло Эскобара.

– Хорошо, но что случилось? – повторил я.

– Оказалось, они знают действительно много, и я решил, что это прекрасная возможность обсудить вашу теорию о предательстве дяди. И это правда! Я поверить не мог, когда они подтвердили, что он активно способствовал смерти вашего отца!

– Вот видите! Я был прав!

И действительно – как еще можно объяснить, что мы единственные из семьи Пабло Эскобара жили в изгнании? Роберто всегда спокойно жил в Колумбии, как и мои тетки.

Их никто не преследовал. Никто.

2

Куда делись деньги?

После мучительной и насыщенной событиями поездки на похороны моего отца в Медельине мы вернулись в резиденцию с твердым намерением вести, насколько это возможно, нормальную жизнь.

Последние двадцать четыре часа оказались для нас с матерью и сестрой самыми тяжелыми в жизни. Жгучая боль потери, тем более столь жестокой, терзала нас, и похороны лишь подлили масла в огонь.

Дело в том, что спустя несколько часов после личного звонка Аны Монтеc, главы Генеральной прокуратуры нации¹⁰, сообщившей нам о смерти отца, мы связались с кладбищем Кампос-де-Пас в Медельине, и они отказались его хоронить. Вероятно, то же самое произошло бы и с Хардинес-Монтесакро¹¹, но нам повезло: этим кладбищем владели родственники нашего тогдашнего адвоката Франсиско Фернандеса. Бабушка Эрмильда владела там двумя участками,

¹⁰ Генеральный прокурор нации (исп. *la directora Nacional de Fiscalías*) – глава «публичного министерства» в составе Генеральной прокуратуры (Генеральной фискалии, исп. *Fiscalía General de la Nación*). (Прим. ред.)

¹¹ Хардинес-Монтесакро (исп. *Cementerio Jardines Montesacro*), также Сады Монтесакро – одно из центральных кладбищ Медельина; помимо Пабло Эскобара здесь похоронены несколько его родственников. (Прим. ред.)

где мы и решили похоронить отца и Лимона – телохранителя Альваро де Хесуса Агуделу, бывшего с ним перед смертью.

Давным-давно отец строго приказал: «Когда я умру, не приходите на мои похороны, беда будет подстерегать вас и там». Он требовал, чтобы мы даже цветов ему не приносили, и едва ли не запретил посещать могилу в принципе. И тем не менее мать настаивала – пусть даже «против воли Пабло».

– Что ж, тогда мы все поедem, – сказал я, – а если нас убьют, так тому и быть.

В сопровождении двух телохранителей, назначенных прокуратурой, мы отправились в Медельин. Пришлось арендовать небольшой самолет. В аэропорту Олайя Эррера десятки журналистов так рвались запечатлеть наше прибытие, что мы едва смогли приземлиться: они выбегали на взлетно-посадочную полосу, пока самолет все еще находился в движении, даже не думая о рисках. Мать и сестру посадили в красный внедорожник, меня и Андреа – в черный, но нам стоило немалых усилий пробраться через эту толпу.

Я и подумать не мог, что столько людей придет на похороны моего отца. Люди из низших слоев питали к моему отцу немалую любовь – на мой взгляд, вполне заслуженную, – и теперь я снова стал тому свидетелем. Я был глубоко тронут, когда услышал то же самое, что люди скандировали, когда он открывал спортивные площадки или поликлиники в бедных районах: «Пабло! Пабло! Пабло!»

В мгновение ока десятки людей окружили наш внедорож-

ник и начали колотить по нему, не переставая двигаться к месту, где должен был быть похоронен отец. Один из телохранителей спросил, не собираюсь ли я выйти, но я, осознавая возможную опасность, решил все-таки подождать мать и сестру в центральной конторе кладбища. Невольно я вспомнил предостережение отца и понял, что единственное мудрое решение сейчас – отступить.

Мы всего на несколько минут зашли в кабинет: почти сразу нас догнала рыдающая в панике секретарша. Кто-то позвонил в контору, едва мы припарковались, и сообщил о готовящемся нападении. Мы выбежали из здания, снова сели в черный джип и оставались там до завершения похорон. Я был едва в тридцати метрах, и все равно не мог присутствовать на службе, не мог попрощаться с отцом.

Вскоре приехали мать с сестрой, и мы отправились в аэропорт, чтобы вернуться в Боготу. Я чувствовал себя в полной мере побежденным и униженным. Помню, однако, как за несколько кварталов от нашего отеля машины встали на светофоре, и через пуленепробиваемые стекла я увидел, как на улице безудержно смеется какой-то мужчина. Не сразу я осознал, что у него отсутствуют все четыре конечности, но эта суровая картина привела меня к совершенно новой мысли: если этот бедолага не утратил способности смеяться, то у меня тем более нет причины чувствовать себя настолько плохо. Лицо того незнакомца осталось навсегда в моей памяти, как будто Бог собственными руками поместил его ту-

да, придав мне сил.

По возвращении в резиденцию «Такендама» мы поняли, что покой, который мы надеялись обрести после похорон отца, был бы в лучшем случае мимолетен и что вот-вот мы погрузимся в житейскую суету. Оглушенные скорбью по отцу, окруженные тайными агентами, осаждаемые множеством журналистов, подстерегавших нас буквально на каждом углу, мы осознали: заключение, пусть даже в отеле, а не в тюрьме, обещает быть трудным.

**ТОГДА ЖЕ МЫ НАЧАЛИ ПОСТЕПЕННО
ОЩУЩАТЬ НЕХВАТКУ ДЕНЕГ. ОТЕЦ УМЕР,
И НАМ НЕ К КОМУ БЫЛО ОБРАТИТЬСЯ ЗА
ПОМОЩЬЮ.**

После возвращения из неудачной поездки в Германию 29 ноября мы поселились в фешенебельном отеле в центре Боготы и, стремясь уменьшить риск нападения, сняли весь двадцать девятый этаж, хотя сами занимали только пять комнат. Наше финансовое положение пошатнулось в середине декабря, когда гостиница выставила нам первый счет за проживание и питание, в который, к нашему удивлению, также включили питание агентов государственной службы безопасности.

Сумма была просто астрономической из-за огромного количества еды и напитков, заказанных охраной. Они ели креветок, омаров, тушеных моллюсков и дорогое мясо, заказывали всевозможные крепкие напитки, чаще всего виски.

Складывалось ощущение, что они специально выбирали самые дорогие позиции в меню.

Мы, разумеется, оплатили счет, но наша тревога продолжала расти, а решения не находилось. Но нам показалось, что в этой черной полосе наметился просвет, когда однажды нас навестили мои тети Альба Марина и Лус Мария; последняя приехала с мужем Леонардо и детьми – Леонардо, Мари Лус и Сарой. Пусть мы и не виделись несколько месяцев и не были особо близки, мы все равно были рады их визиту. Младшей сестре, наконец, нашлось с кем поиграть в куклы: к тому времени она почти год провела взаперти, не имея возможности даже выглянуть в окно, не зная, где она, и не получая понятных объяснений, почему ее и нас постоянно окружают порядка двадцати вооруженных до зубов мужчин.

За обеденным столом мы описали, через что нам пришлось пройти в последние несколько недель, и моя мать упомянула о том, как беспокоит ее денежный вопрос. Мы говорили об этом достаточно долго, и сострадание, проявленное папиной родней, привело меня к мысли, что Альба Марина могла бы нам помочь забрать деньги, спрятанные отцом в двух тайниках на участке, который мы называли «голубым домом». Я подумал, что пора это сделать, чтобы хоть какое-то время не переживать о финансах.

Однако комнаты, в которых мы жили, по-прежнему находились под зонтиком государственной слежки. Прослушивали не только телефонные разговоры, – я был более чем уве-

рен, что повсюду спрятаны микрофоны. Я несколько раз пытался их найти – со всем возможным рвением, но, увы, безуспешно: разбирал лампы, телефоны, мебель и все, что казалось мне подозрительным, даже ковырялся в розетках. Но все, чего я достиг – короткое замыкание, отключившее электричество на всем этаже. Я рассчитывал прошептать свой секрет тете на ухо, но все же сначала включил телевизор и прибавил громкость.

Однажды ночью во время нашего удушающего заточения в голубом доме отец в каком-то смысле провел инвентаризацию своих финансов. Когда все спали, он привел меня к двум тайникам, которые устроил в доме, и показал ящики, в которых были спрятаны деньги. По его словам, кроме него и теперь меня, единственным, кто о них знал, был «Толстяк» – один из самых доверенных его людей. Затем отец добавил, что никто и никогда не должен узнать об этом – даже мать с сестрой, и уж тем более его братья и сестры.

По его словам, в двух тайниках было достаточно денег, чтобы выиграть войну и поставить нас на ноги после нее, так что мы должны были пользоваться ими разумно. Он также сказал, что некоторое время назад отправил шесть миллионов долларов своему брату Роберто: три на расходы брата, пока тот был в тюрьме, а остальные три – на случай, если позже они понадобятся нам. Роберто было приказано передать нам эти деньги, если с отцом что-нибудь случится.

Закончив свой рассказ, я перешел к делу:

– Тетушка, ты могла бы съездить в Медельин и забрать деньги из этих двух тайников? У нас нет никого больше, кого мы могли бы попросить, и нам некуда идти.

Альба Марина, известная решительным нравом, согласилась сразу. Я описал ей расположение тайников в голубом доме и велел никому ничего не говорить, поехать туда одной, ночью, желательно на чужой машине, навернуть несколько кругов, прежде чем заехать во двор, и следить за зеркалами заднего вида, чтобы убедиться, что никто ее не преследует. В конце концов я написал Толстяку, что разрешаю тете забрать деньги.

После инструктажа я спросил, не боится ли она.

– Меня не запугать. Я отправлюсь за этими деньгами, где бы они ни были, – ответила она твердо.

Марина вернулась через три дня, но выглядела уже не столь уверенно. Она поздоровалась, глядя в пол, и, заподозрив, что что-то пошло не так, я взял ключи от одной из пустых комнат на этаже, чтобы поговорить один на один.

– Хуан Пабло, в голубом доме почти не было денег, вот и все, – выпалила она.

Несколько минут я в растерянности молчал. Ее слова показались мне правдивыми, и вся ярость обернулась на Толстяка, который наверняка перерыл весь дом, но нашел отцовские тайники.

Конечно, исчезновение денег вызвало море вопросов, но на тот момент у нас не было ни причины, ни возможности

оспорить тетину версию. До тех пор я никогда в ней не сомневался, так как множество раз убеждался в ее верности отцу. Но так или иначе, родственники отца так и не помогли нам с решением денежного вопроса.

В середине марта 1994 года, через три месяца после переезда в резиденцию «Такендама», мы попытались уменьшить расходы и сняли большую двухэтажную квартиру в районе Санта-Ана, рассчитывая в разумные сроки упорядочить наше положение. Проблема была не только в деньгах, которых оставалось все меньше, но и в том, что мы по-прежнему были в опасности, и потому нас постоянно окружала охрана из агентов различных ведомств.

Поскольку нам пришлось забыть о деньгах из голубого дома, мы решили спросить дядю о трех миллионах, переданных ему на хранение отцом. Мы опасались, что большую часть из них он уже потратил, и подтверждение не заставило себя долго ждать.

Довольно скоро к нам приехала бабушка Эрмильда с сестрами и братом отца – Глорией, Альбой Мариной, Лус Марией и Архемиро. Чтобы наш разговор не подслушала охрана, мы собрались на втором этаже, в комнате матери. Они вытащили несколько листков, как будто вырванных из бухгалтерской книги небольшого магазинчика, и, сверяясь с ними, начали перечислять расходы за последние несколько месяцев: триста тысяч долларов на мебель в новую квартиру тети Глории, сорок тысяч на такси для нее и бесчисленные траты на

дедушку Абея, в которые входили, среди прочего, зарплата дворецкому, покупка машины взамен конфискованной и ее ремонт. Этими списками они пытались оправдать то, как Роберто растратил три четверти денег, оставленных отцом ему на хранение, и то, что дядя был готов отдать лишь оставшуюся сумму.

В раздражении я выказал недовольство бессмысленными расходами, особенно – поразительной суммой, потраченной на мебель в квартиру тети Глории. Она растерялась и принялась спрашивать, мол, разве у нее не было права заменить то, что она потеряла за время войны? Несмотря на ее истерику, я был уверен, что счета фальшивые: как мебель могла обойтись дороже самой квартиры?! Но Альба Марина поддерживала ее, уверенно заявляя, что Роберто не разбрасывался деньгами.

Встреча эта закончилась на очень плохой ноте, так как напоследок я сказал им, что меня не убедили их нарисованные циферки. Было ясно, что возвращать деньги они не собирались.

Пока я пытался понять, что делать, мой разум переключился на другую тему: уже несколько недель мы получали угрозы от трех десятков (по меньшей мере) заключенных из нескольких тюрем, прежде работавших на отца. После его смерти они оказались брошены на произвол судьбы и теперь требовали свое. Поэтому, чтобы не схлопотать еще больше проблем, мы попросили Роберто, чтобы оставшимися день-

гами он помог этим заключенным и их семьям. По сути, таков был наш долг перед людьми, вставшими в войне на сторону отца и в результате вынужденными отбывать длительные сроки. Отец всегда говорил, что нельзя просто бросить человека в тюрьме, ведь именно тогда он больше всего нуждается в помощи. Всякий раз, когда его люди говорили: «Босс, такой-то и такой-то попался», – он посылал адвокатов, чтобы защитить этого человека, и отряжал кого-нибудь проследить, что семья получила деньги. Вот как мой отец обращался с каждым из тех, кто попадал в тюрьму, помогая ему совершать злодеяния. Мы полагали, что оставшихся у Роберто денег хватит почти на год.

Но то, что началось плохо, не может закончиться хорошо, и попытка распределить эти деньги стала новой головной болью и переломным моментом в наших и без того натянутых отношениях с родственниками отца.

Через несколько недель после бурной встречи мы получили весьма тревожные новости из пары тюрем. В одном отчете говорилось, что бабушка Эрмильда посетила нескольких мужчин и сообщила им, что это Роберто обеспечивал их деньгами. Мне пришлось разослать в тюрьмы письма, в которых я рассказывал правду и просил передать другим заключенным, что Роберто оказывал им помощь по нашей, жены и детей Пабло, просьбе. Я понимал, что единственный способ заставить Роберто хоть как-то вернуть деньги – это вынудить его распределить их между заключенными.

Вскоре, как я и опасался, проблемы начались снова, несмотря на все усилия: заключенные перестали получать от Роберто деньги. Взволнованный, я позвонил дяде, и он без малейшего стеснения заявил, что денег хватило только на пять месяцев.

В конце апреля 1994 года нам пришло письмо от нескольких бывших наемных убийц моего отца с жалобами на то, что они уже месяц не получают помощи, что у них нет возможности прокормить и защитить свои семьи, что они все отдали за «Хозяина», а мы – неблагодарные свиньи, потому что, по словам Роберто, больше не собираемся присылать им деньги.

Сообщение содержало завуалированные угрозы, так что я отправил им ответ, в котором объяснял, что деньги, которые они получали, были не от моего дяди, а от отца: «До сих пор ваше жалованье, адвокаты и еда оплачивались деньгами моего отца, а не Роберто. И давайте внесем ясность: не наша вина, что Роберто растратил все деньги. Когда родственники сообщили нам, что деньги закончились, они сказали, что тетя Глория их потратила, но нам так и не удалось выяснить, куда деньги пропали на самом деле».

Роберто, должно быть, узнал обо всем этом: на День матери, спустя несколько дней, он передал моей матери записку. Почерк выдавал, что он еще не оправился от последствий покушения в декабре: «Тата, я уже не тот человек, которым был раньше. Я очень подавлен тем, через что прохожу. Я немного

поправился, но мне тяжело дались пять месяцев страданий – и то, что случилось с братом, и мой собственный опыт, только чудом не оказавшийся смертельным. Не верь сплетням, нас не любит огромное множество людей. Мне есть о чем с тобой поговорить, но я очень расстроен своим положением».

Весть о семейных распрях из-за финансовой поддержки заключенных достигла ушей Ивана Урдинола¹², одного из мафиози Норте-дель-Валье, и он направил матери записку на своем личном бланке. С сердечными, но в то же время повелительными интонациями в этой записке он сообщал: «Сеньора, я посылаю это письмо с просьбой прояснить недоумения с семьей Эскобар. Люди Пабло не виноваты, что у Роберто нет денег. Пожалуйста, помогите им. Вам это дело близко как никому иному, ведь вы теперь новая глава семьи. Пока это дело не решено, проблемы вас не покинут».

Но и это был еще не конец. Утром 19 августа 1994 года я еще лежал в постели, когда пришел факс, заставивший меня покрыться холодным потом. Письмо, подписанное несколькими из «ребят», которые раньше работали на моего отца, а теперь отбывали срок в колонии строгого режима Итагуи, содержало целый ряд обвинений в адрес Роберто:

«Донья Виктория, сердечно приветствуем вас и также

¹² Хайро Иван Урдинола Грахальес (исп. *Ivan Urdinola Grajales*; 1960–2002), также известный как Карлик (исп. *El Enano*) – один из основателей колумбийского наркокартеля Северной долины (Норте-дель-Валье, исп. *Norte del Valle*, сущ. с 1993 года). В течение нескольких лет руководил картелем Кали; был убит по приказу Хельмера Эрреры, крестного отца этого же картеля. (*Прим. ред.*)

просим передать привет вашим детям, Хуанчо и Мануэле. Мы посылаем это письмо, чтобы прояснить парочку слухов, распространяемых сеньором Роберто Эскобаром. Мы заверяем вас, что остаемся на вашей стороне, так как поняли, что, послав к нам сеньору Глорию, он пытался сделать не что иное, как подложить Хуанчо свинью. Мы хотим сообщить вам: Роберто сказал, что, если определенные заявления с вашей стороны не будут отозваны, он исполнит свои намерения. Мы хотим четко обозначить свою позицию: никто из нас не желает участвовать в его интриге, лживой и жестокой, мы не хотим конфликта, мы хотим жить в мире. Если он пойдет на это, то только на свой страх и риск, потому что никто из нас не будет в этом участвовать. Мы были неколебимо верны сеньору, мы остаемся верны вам».

Письмо подписали Джованни по прозвищу Модель, а также Команч, Детектив, Броненосец Авенданьо, Валентин, Коготь, Полистирол, Толстяк Ламбас и Уильям Карденас.

Имена под посланием вызвали у меня немалое беспокойство. В надежде помешать любому возможному замыслу дяди мы решили рассказать об этом Густаво де Грейфффу¹³, генеральному прокурору Колумбии. Де Грейфф без задержек

¹³ Густаво де Грейфф Рестрепо (исп. *Gustavo de Greiff Restrepo*; 20 июня 1929 года – 19 июля 2018 года) – колумбийский юрист и политический деятель. Занимал пост генерального прокурора Колумбии при президенте Сесаре Гавирии, затем – должность посла Колумбии в Мексике. Открыто критиковал антинаркотическую кампанию США в Колумбии, был сторонником политики либерализации наркотиков. (Прим. ред.)

принял меня и нашего адвоката Фернандеса, и я поделился с ним своими переживаниями: не было и тени сомнения, что дядя планировал бросить меня в тюрьму. Разумеется, я сообщил прокурору и то, что двое из заключенных в Итагуи, не подписавших письмо – Хуан Уркихо и Ньерис, – сговорились с Роберто и, помимо прочего, пытались истребовать с нас предполагаемые долги отца по кокаиновым сделкам.

Роберто не ожидал, что мы сумеем найти возможности и смелость противостоять ему, и потому, когда мы разослали по всем тюрьмам весть, что он присвоил деньги отца, почувствовал себя загнанным в угол. Мне ничего не оставалось, кроме как уклоняться от камней, которые он бросал в меня.

Едва мы выбрались из этого затруднения, как случилось кое-что еще, словно в подтверждение старой поговорки: «Ложь стоит на одной ноге, а правда – на двух».

Поздним сентябрьским вечером 1994 года, примерно в одиннадцать часов, агент охраны позвонил нам из комнаты консьержа в Санта-Ане и передал, что приехал мужчина, представившийся Толстяком. Этот человек хотел встретиться со мной, но отказывался сообщить идентификационный номер и настоящее имя, как требовали правила от любого, кто хотел поговорить с нами.

Офицер настаивал на соблюдении предписаний, и меня это не удивило. Мы знали, что где бы мы ни были – в Медельине, в резиденции «Такендама» или же здесь, в квартире в столичном районе Санта-Ана – люди, защищавшие нас, вели

заодно и разведку: выясняя, кто связывался с нами и тем более приезжал, они рассчитывали собрать недостающие сведения о связях отца.

Настоящим сюрпризом стало то, что этот человек был не кем иным, как тем, кто должен был охранять деньги отца в голубом доме и кого я обвинил в их краже. «Раз у него хватило наглости заявиться сюда посреди ночи, я спрошу его о пропавших деньгах», – подумал я. В коротком споре я все же вышел победителем, и офицер позволил Толстяку подняться к нам, не предоставляя никаких документов. Я полностью осознавал, что делаю это на свой страх и риск.

Едва дойдя до моей двери, Толстяк обнял меня и расплакался.

– Хуанчо, брат мой, как же я рад тебя видеть!

Я не мог скрыть своего потрясения: его объятия и слезы казались благородными и искренними, без какого бы то ни было злого умысла! Да и одет он был как всегда – простая одежда, потрепанные теннисные туфли. Толстяк, всегда бывший в моих глазах добряком и скромником, и сейчас ничуть не был похож на человека, который всего несколько месяцев назад украл кучу долларов. И потом, зачем бы ему приходиться к нам, когда эти деньги должны были обеспечить его на всю жизнь?

С подозрением осмотрев его с ног до головы и с недоверием выслушав его рассказ о жизни с тех пор, как мы – и прежде всего отец – покинули голубой дом в ноябре 1993 го-

да, я пришел к выводу, что он все же остался нам верен. Мы еще несколько минут поболтали на балконе второго этажа, где нас никто не слышал, и я решил, что пора спросить его о пропаже денег.

– Толстяк, так что же вышло с заначкой в голубом доме? Ты позволил моей тете их взять? Что случилось с деньгами?

– Все как ты сказал, Хуанчо! Я впустил твою тетку, она передала мне твои указания, мы пошли к тайникам, и я помог ей погрузить все, что там было, в багажник. Она на внедорожнике приехала. Больше я о ней ничего не слышал. А приехал я просто спросить, как у вас дела, я ведь вас всех очень люблю. Ну и помочь чем смогу.

– Понимаешь, Толстяк, тетя утверждает, что денег там почти не было.

Он отшатнулся, на его глаза навернулись слезы.

– Ложь! Я лично погрузил кучу денег в ее внедорожник. Их было так много, что задняя часть машины аж просела. Клянусь, это твоя тетка все забрала. Если хочешь, я останусь здесь, а ты позвони, и я скажу ей все в лицо!

Я вздохнул.

– Прости мое недоверие, Толстяк. Просто я в шоке от того, что ты рассказал. Я верю твоим словам, и, наверное, меня даже не удивляет, что тетя так поступила...

3

Примирение с картелями

В полдень 5 декабря 1993 года, всего через сорок восемь часов после похорон отца, к нам приехал знакомый нам еще с восьмидесятых коннозаводчик Фабио Очоа Рестрепо¹⁴.

Его эффектное появление вырвало нас из пучины сомнений и печали, в которую мы постепенно погружались, но также и весьма удивило. Фабио принес кучу контейнеров всевозможных форм и размеров, полных самой разной еды: выглядело так, будто он рискнул опустошить свой ресторан «Margarita del 8» – своего рода островок департамента Антьокия на трассе к северу от Боготы. На столах красовалось около ста пятидесяти порций бандеха пайса¹⁵ – этого

¹⁴ Фабио Очоа Рестрепо (исп. *Fabio Ochoa Restrepo*; 1923—18 февраля 2002), также известный как Дон Фабио – известный коннозаводчик, энтузиаст породы «колумбийская Пасо Фино», патриарх крупной колумбийской семьи наркоторговцев. (*Прим. ред.*)

¹⁵ Бандеха пайса (исп. *bandeja paisa*) – «большая тарелка из Пайсы», традиционное и очень популярное колумбийское блюдо, происходящее из региона Пайса. Представляет собой большую тарелку, в центр которой выкладывают рис с яичницей-глазуньей, а вокруг – остальные компоненты: красная фасоль, жареные плантаны (овощные бананы), чичаррон (свинные шкварки), жареная свинина, колбаски чоризо, кровяная колбаса, карне молида (говяжий фарш с пряностями), авокадо и лимон. Подается бандеха пайса с кукурузными лепешками арепа

хватало не только нам, но заодно и всем солдатам, полицейским и спецагентам, охраняющим нас. Фабио явно размахнулся в стиле департамента Антьокия, и, если честно, мы были этому безумно рады.

Однако пиршество из бобов, колбасок, свиных шкварок, яиц и жареного мяса и фарша было единственной хорошей новостью, принесенной Очоа. Под конец своего визита, около пяти часов вечера, он сказал нам спокойным, но более чем серьезным голосом, что слышал, как Фидель Кастаньо, лидер Лос Пепес, говорил о намерении все равно убить меня, сестру и мать.

– Кастаньо считает, что Пабло Эскобар был настоящим воином, но совершил огромную ошибку: создал семью. Вот почему у Кастаньо никого нет: ничто не может сделать ему больно, – добавил дон Фабио Очоа.

Информация, которой он с нами поделился, звучала как смертный приговор: мы все знали, какой властью обладал Кастаньо – глава группировки, выследившей и уничтожившей моего отца.

С того дня и до тех пор, пока мы не покинули Колумбию, мы общались с Фабио Очоа гораздо больше, чем при жизни отца. Рестрепо постоянно посылал нам еду из ресторана, а моя сестра Мануэла часто навещала его и каталась на его лучших лошадях.

Как только мы узнали, что Кастаньо по-прежнему стре-

мится нас убить, мы решили сыграть отчаянную игру: от имени мамы мы отправили ему письмо, в котором умоляли пощадить ее детей и подчеркивали, что лично она никогда не участвовала в войне и готова примириться с врагами своего покойного мужа.

Мать была настроена довольно оптимистично, помня, что долгое время она и Фидель разделяли интерес к искусству. Больше того, когда-то Кастаньо был близким другом отца, и они даже небезуспешно проворачивали совместные дела в торговле кокаином. Кастаньо часто ездил в Европу, особенно в Париж, посещал музеи и выставки, приобретал новые работы для своей коллекции произведений искусства. По слухам, там же, в Париже, он обзавелся роскошной квартирой, в которой хранил большую часть своего собрания.

Как-то раз мать показала ему свою коллекцию картин и скульптур, наполнявшую оба этажа медельинского пентхауса: в доме не было ни одной голой стены. Один известный галерист говорил матери, что ее собрание произведений искусства было на тот момент богатейшим и самым изысканным в Латинской Америке; она очень этим гордилась.

Фидель Кастаньо тоже весьма впечатлился работами, приобретенными матерью: в ее коллекцию входили произведения таких талантов, как Фернандо Ботеро, Эдгар Негрет, Дарио Моралес, Энрике Грау, Франсиско Антонио Кано, Александро Обрегона, Дебор Аранго, Клаудио Браво, Освальдо Гуаясамин, Сальвадора Дали, Игорь Миторай и Огюст Ро-

ден, а наряду с ними – древние артефакты со всех сторон света, в частности – китайские вазы и изделия из золота и глины доколумбовой эпохи. В свою очередь, несколько недель спустя Кастаньо пригласил родителей на ужин в свой огромный особняк Монтекасино – настоящую крепость, окруженную высокими стенами. Именно там позже зародились Лос Пепес. Именно там создавались планы величайших преступлений этой группировки.

Вечер в Монтекасино вышел напряженным: отец не привык к показной элегантности, которую демонстрировали как официанты, так и сам хозяин дома. Фидель вышел приветствовать гостей в смокинге и пригласил за стол, сервированный серебряными тарелками и пятью вилками к каждой. Когда пришло время есть, чтобы не выставить себя дураком, отец даже был вынужден шепотом спросить у матери, как пользоваться щипцами для клешней краба.

После ужина Фидель показал им дом и предложил продегустировать коллекцию французских вин, сообщив им как бы невзначай, что приказал подготовить турецкую паровую баню и горячую ванну с пеной:

– Было бы неплохо расслабиться, Пабло.

Отец изо всех сил пытался скрыть раздражение. Приглашение в турецкую баню он отклонил, несколько неубедительно сославшись на то, что у него назначена встреча.

Мне всегда казалось, что Фиделю Кастаньо нравилась моя мать и что отец так разозлился именно из-за этого. Мне ка-

залось, что он ревновал до такой степени, что запретил Кастаньо навещать мою мать в Медельине.

Умеренно оптимистичный настрой, в котором мы пребывали после того, как отправили Кастаньо письмо, превратился в настоящее облегчение, когда мы получили его ответ из трех абзацев, в которых Фидель сообщал, что не держит на нас зла, и более того, приказал Лос Пепес вернуть несколько украденных у нас произведений искусства, включая ценную картину Сальвадора Дали «Рок-н-ролл».

Угрозы от Кастаньо теперь можно было не опасаться, однако это было только самое начало долгого пути. Нам еще предстояло столкнуться с самыми могущественными и опасными мафиози и военными лидерами страны, и эти люди выказывали куда меньше понимания.

Шли дни, и нас в резиденции «Такендама» стали навещать жены и девушки важнейших заместителей моего отца, сдавших власть после побега из тюрьмы Ла-Катедраль. Среди них были Отониэль Гонсалес, известный как Отто, Карлос Марио Уркихо, известный как Серьга, и Луис Карлос Агилар, известный как Грязь.

Эти женщины, приезжавшие иногда на несколько дней, передавали сообщения от глав картелей, противостоявших отцу, с требованием денег в качестве компенсации за войну. В мафиозной среде хорошо знали, что отец был щедр со своими людьми и платил им баснословные суммы за работу – похищения людей, убийства, покушения. И его люди дей-

ствительно старались выполнить поручения как можно лучше.

Одна из наших тогдашних посетительниц – Анхела, девушка Попая, – попросила нас посетить наркоторговца Ивана Урдинолу в тюрьме Ла-Модело в Боготе: он хотел передать нам сообщение от главаря картеля Кали. Имя Урдинолы было нам знакомо – как-то отец показал нам письма, в которых Урдинола выражал солидарность с отцом и уверял его, что не связан с картелем Кали.

Просьба показалась нам странной, и еще более странным – то, что ее передали через девушку Попая. Однако мы еще не знали, что начинается один из самых трудных периодов нашей жизни, еще более опасных, чем худшие из дней, когда мы вместе с отцом были в бегах, а его враги дышали нам в спину. Мы собирались совершить невообразимое: попытаться примириться со многими наркокартелями. Мне вот-вот должно было исполниться семнадцать, и мне было очень страшно столкнуться с той гранью реальности, которой я не мог избежать, как бы ни хотел. В конце концов, я был сыном Пабло Эскобара, и когда он умер, его враги закономерно обратили свои взоры на меня.

Мы с матерью не сразу смогли решить, ехать ли к Урдиноле. С разрешения Генеральной прокуратуры, защищавшей нас и выдававшей пропуски, мы пока что начали посещать людей отца в тюрьмах Ла-Модело и Ла-Пикота. Несмотря на то, что у каждого из нас были телохранители, мы старались

ездить в тюрьмы по отдельности, чтобы не оказаться слишком заманчивой мишенью для тех, кто решил бы напасть. Наша цель состояла в том, чтобы обсудить со всеми людьми отца возможность заключения мира с другими картелями.

Убедить их отказаться от вражды было нетрудно: ни у кого из них уже не осталось былой военной мощи, и возвращение к войне стало бы самоубийством. Еще яснее об их мнении говорило то, что многие после рейда на тюрьму Ла-Катедраль, даже не посоветовавшись с отцом, сдались в руки вершителям порядка, потому что безумно устали от бесконечного насилия.

В один из тех дней я отправился в тюрьму Ла-Пикота, где находились Серьга, Тити и Грязь. Там же я впервые издалека увидел Леонидаса Варгаса, легендарного мафиозо, чья территория находилась в департаменте Какета, недалеко от границы с Эквадором. Очень быстро ко мне подошел один из людей отца и передал, что у Варгаса есть для меня сообщение: отец был должен ему миллион долларов, и теперь он требовал этот долг. Поначалу это вызвало у меня немалые сомнения, однако несколько заключенных поручились, что отец и «дон Лео» были довольно-таки близки. Один из них даже добавил:

– Хуанчо, вашей семье стоит найти способ заплатить этому человеку. Он честен, но жесток. Было бы лучше все с ним уладить.

Итак, долг был реальным, однако у нас все еще не было

денег. Но по счастью примерно тогда же Генеральная прокуратура наконец решила вернуть один из самолетов отца, конфискованных почти десять лет назад. Его оценивали практически в ту же сумму, которую мы были должны Варгасу – около миллиона долларов. В итоге и нам, и в каком-то смысле ему очень повезло: в заброшенном ангаре аэропорта Олайя Эррера мы нашли несколько деталей самолета стоимостью триста тысяч долларов, годных только для этой модели, и решили отдать их в подарок к роскошному воздушному судну. Как только пилоты подтвердили, что самолет в хорошем летном состоянии, Варгас его забрал.

Так мы погасили еще один долг отца и избавились от еще одного потенциального врага. Мы не хотели новых войн. Нужно было устранить любую угрозу нашим жизням, и сделать это можно было только деньгами или активами.

После долгого напряженного обхода тюрем все же пришло время навестить Ивана в Ла-Модело. Мать уже приходила к нему поговорить, но Урдинола настаивал на том, чтобы я присоединился. И вот однажды утром в начале 1994 года я вышел из резиденции «Такендама», совершенно бледный от страха, что наверняка заметили и телохранители, и водитель бронированного внедорожника Генеральной прокуратуры. Когда мы приехали в тюрьму, и я уже собрался покинуть машину, водитель схватил меня за локоть и вложил в руку маленький бело-золотой брелок с изображением младенца Иисуса.

– Хуан Пабло, я хочу, чтоб Он защитил тебя. Я знаю, ты переживаешь один из самых трудных моментов своей жизни, – сказал мужчина, и я, тронутый до глубины души, поблагодарил его, глядя ему в глаза.

Чтобы никто лишний не узнал меня, я был в больших солнцезащитных очках. Охрана провела меня в крыло строгого режима, где я встретил Отто и Попая, и уже они сообщили мне, что Урдинола ожидает меня. Двор был полон мужчин, когда-то служивших отцу, старых знакомых вроде Хосе Фернандо Посады и Серхио Альфонсо Ортиса по прозвищу Птица.

– Не волнуйся, Хуанчо, дон Иван – хороший человек и крестный моего сына, – таким заверением Попай завершил поток восхвалений Урдинолы, на мой взгляд – совершенно излишних. – Ничего с тобой не случится.

Я вошел в камеру. Иван действительно ждал меня в компании двух незнакомых мужчин. Следом появились еще пятеро; один из них привлек мое внимание больше прочих необычайно высоким ростом и аурой таинственности.

– Ну, брат, ты знаешь, кто выиграл войну, и знаешь, что новый глава всей мафии – дон Хильберто Родригес Орехуэла. Так что тебе придется отправиться в Кали, чтобы решить с ними свои проблемы, но сначала мы должны убедиться в твоей договороспособности.

Я спросил, какие доказательства будут достаточными, и получил ответ: я должен был отозвать заявление в проку-

ратуру с обвинением глав картеля Кали в том, что бомбу в пентхаус в Медельине 13 января 1988 года подложили по их приказу. Это был один из самых ужасных моментов в моей жизни, но я знал, что выбора у меня фактически нет. Иван добавил, что адвокат приедет ко мне в ближайшие несколько дней. Отказаться от старого обвинения в обмен на возможность остаться в живых. Это казалось достаточно простым решением, однако один лишь взгляд в глаза Урдиноле – и меня обуял дикий страх.

– Дон Иван, мне очень жаль, но я действительно боюсь ехать в Кали. Никто в здравом уме не отправится на верную гибель. Я знаю, что многие туда ездили и возвращались живыми, но если туда поеду я, то вернусь разве что в мешке для трупов. Просто потому, что я сын Пабло...

Я пытался быть честным, но добился только весьма раздраженного ответа Урдинолы:

– Да кем ты себя возомнил, что не собираешься ехать в Кали? Убить вас готова даже ваша охрана, они лишь ждут, когда мы отдадим приказ. Думаете, ваша смерть дорого стоит? Думаете, бандиты много просят? Ваше убийство обойдется в триста миллионов песо, и я могу прямо сейчас позвонить и договориться.

В камеру вошла его жена, Лорена Энао, и Урдинола резко завершил свою тираду:

– А! Валите отсюда, придурки, я буду трахаться.

Слова Ивана ошеломили меня. Я вышел из его камеры,

мучимый неопишущим беспокойством. Мне едва исполнилось семнадцать, а смерть, казалось, уже готова была меня забрать. Я совсем было погрузился в безрадостные мысли, когда почувствовал аккуратное похлопывание по моему плечу. Тот высокий загадочный мужчина, которого я заметил несколькими минутами ранее, отвел меня в сторону – поговорить.

– Хуан Пабло, я знаю, что вы боитесь ехать на эту встречу. Я соглашусь: ваш страх полностью оправдан. Но вам стоит знать, что люди Кали устали от насилия, поэтому вам стоит воспользоваться возможностью, чтобы пообщаться с ними и решить проблему раз и навсегда. Урдинола только что сказал, что решение уже принято. Даже если вы никуда не поедете, вас все равно убьют. У вас остается не так много вариантов, и вам будет легче спастись, если вы поедете туда и покажете себя лицом.

Его слова поразили меня явной искренностью.

– Я ценю ваш совет, но я не знаю, кто вы... Какова ваша роль во всем этом?

– Я – Хайро Корреа Альсате. Я был врагом вашего отца с тех пор, как Генри Перес¹⁶ возглавил военизированную группу¹⁷ в Магдалене Медии¹⁸. Мое поместье Эль-Хапон распо-

¹⁶ Генри де Хесус Перес Моралес (исп. *Henry de Jesus Perez Morales*; 6 мая 1956 — 20 июля 1991), также известный как Эль Максимо – известный наемный убийца, участник и организатор колумбийских вооруженных формирований. (Прим. ред.)

¹⁷ Крестьянские отряды самообороны Магдалены Медии – колумбийская вое-

ложено в департаменте Кальдас, недалеко от Ла-Дорады, и у меня было много проблем с вашим отцом. А здесь, в тюрьме, я ожидаю, пока власти решат, выдавать ли меня США.

Эта короткая беседа с Хайро Корреа открыла мне глаза. Я наконец увидел свет в конце тоннеля: я понял, что отправиться в Кали – значит получить пусть и небольшие, но все же шансы остаться в живых.

Прежде чем распрощаться, Хайро представил меня своей жене Клаудии и одной из младших дочерей и попросил их навещать нас: их дочь могла бы поиграть с моей сестрой Мануэлой.

Попай предложил проводить меня до выхода, и пока мы шли по длинному узкому коридору, он заявил, что хочет мне кое-что рассказать:

– Хуанчо, я обязан признаться, что Отто заставил меня участвовать в ограблении вашего поместья Ла-Песебрера. Если бы я этого не сделал, то оказался бы его врагом.

ВСЕ УКАЗЫВАЛО НА ТО, ЧТО ДАЖЕ СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ МОЕГО ОТЦА ТЕПЕРЬ БЫЛИ ПРОТИВ НАС. ОНИ ВИДЕЛИ В НАС УЖЕ НЕ СЕМЬЮ СВОЕГО БОССА, СДЕЛАВШЕГО ИХ НЕВИДАННО БОГАТЫМИ, А ПРОБЛЕМУ ИЛИ ВОЕННЫЙ ТРОФЕЙ. ИЗ ВСЕХ, КТО

низированная группировка, созданная в 1983 году Генри Пересом. Специализировалась на убийствах, в т. ч. массовых. Существовала до 1991 года. (Прим. ред.)

¹⁸ Магдалена Медио – область колумбийского департамента Антьокия в среднем течении реки Магдалена. (Прим. ред.)

ОСТАЛСЯ В ЖИВЫХ ПОСЛЕ СМЕРТИ ОТЦА, ЛИШЬ ОБ ОДНОМ Я МОГ УВЕРЕННО СКАЗАТЬ, ЧТО ОН ВСЕ ЕЩЕ БЫЛ НАМ ВЕРЕН. ОТ ОСТАЛЬНЫХ Я ВИДЕЛ ЛИШЬ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ И ЖАДНОСТЬ.

Как и было обговорено с Урдиной, через пару дней после моего визита в тюрьму к нам в резиденцию приехала адвокат. Я встретился с ней наверху, где спецагенты, жившие на первом этаже апартаментов, не могли нас услышать. Адвокат сразу перешла к делу и велела мне говорить, что это отец вынудил меня обвинить глав картеля Кали во взрыве в медельинском пентхаусе, случившемся в 1988 году, и что у меня нет никаких доказательств того, что они действительно это сделали.

Через несколько минут прибыл прокурор по этому делу вместе с секретарем. Они приняли мое новое заявление на первом этаже, пока адвокат ждала наверху. Судя по их лицам, они прекрасно понимали, что я действую под давлением. Невооруженным глазом было видно их разочарование: одно из немногих дел, которое у них было против боссов картеля Кали, разбилось в пух и прах.

Однако поделаться ничего было нельзя. Как только мы закончили, они отдали мне копию заявления, и я отнес эту копию адвокату. Прочитав, она достала из сумочки сотовый телефон, набрала какой-то номер и сказала:

– Не беспокойтесь, сеньор, все улажено.

Совет Хайро Корреа оказался столь полезным, что я посетил его в тюрьме еще трижды, чтобы спросить о нескольких других вопросах, поскольку чувствовал, что он честен со мной. Помню, мы часами в чрезвычайно вежливом и сердечном тоне разговаривали о жизни и размышляли о произошедшем. Тогда же я извинился за ущерб, причиненный отцом ему и его семье. Я даже признался, насколько поражен тем, как хорошо мы поладили, в то время как с отцом сеньор Корреа так и не смог найти общий язык. Как мне было жаль, что они не смогли решить свои разногласия разговором и жить в мире! На это Хайро ответил, что отца всегда окружали очень плохие советники.

В один из таких визитов я встретил вусмерть пьяного Урдинолу в компании какого-то итальянца, который продавал ему промышленное оборудование. Увидев меня, он весело поздоровался – вероятно, только потому, что был пьян, – и открыл коробку, в которой было не менее пятидесяти дорогих часов.

– Выбирай, что хочешь!

– Но дон Иван, зачем они мне? Я вам очень признателен, но нет, спасибо...

Я повторил отказ трижды, но Урдинола продолжал настаивать.

– Возьмите вот эти. Они стоили сто тысяч долларов!

Часы были марки «Филипп Шарриоль», с кольцом из бриллиантов вокруг циферблата и стрелками из цельного

золота. Он все-таки всучил их мне и заставил надеть, хоть браслет и был тесноват.

Мои поездки в Ла-Модело в итоге имели один важный итог: первый прямой контакт с врагами отца.

Вмешательство Урдинолы привело к первой встрече Анхелы, девушки Попая, и Исмаэля Мансеры, адвоката дяди Роберто, с главами картеля Кали, братьями Мигелем и Хильберто Родригесом Орихуэлой. Урдинола знал, что Попай не играет важной роли в картеле, и хотел, чтобы вместо Анхелы в Кали поехала Вики, жена Отто, но она слишком сильно испугалась.

Два посланника отправились в Медельин и сообщили о намерении моей семьи и людей, участвовавших в деятельности отца, покончить с войной раз и навсегда и найти выход, который гарантировал бы жизнь нам всем. По возвращении Анхела и Исмаэль Мансера передали нам, что, хотя братья Родригес говорили мало, они были согласны на переговоры.

Встреча, должно быть, и правда прошла успешно, потому что через несколько дней нам позвонил какой-то грубый мужчина и потребовал впустить его: он хотел передать сообщение от Родригесов. В итоге мы отобедали с одним из старых врагов отца, чье имя я называть не буду из соображений безопасности. Разговор был очень напряженным, хотя порой этот человек и проявлял сострадание, и послание было предельно ясным: возможность остаться в живых обойдется нам в немалую сумму, так как каждый мафиозо хотел вернуть

деньги, которые вложил в войну против отца.

– Хуан Пабло, в борьбе с вашим отцом я потратил более восьми миллионов долларов, и я намереваюсь их все вернуть, – сказал мужчина совершенно спокойно, однако тон ясно давал понять, что он полон решимости взыскать этот долг.

В тот день мы окончательно убедились, что оказались в ловушке: наша охрана даже не обыскала гостя. У нас больше не оставалось сомнений, что единственный способ выжить – отдать все имущество отца.

Шквал сообщений, угроз и намеков достиг апогея в конце января 1994 года, когда к нам без предупреждения наведлся Альфредо Астадо, дальний родственник матери. Альфредо уже очень давно эмигрировал в Штаты, чтобы избежать войны и защитить семью, несмотря на то, что никогда не занимался черным бизнесом и не имел проблем с законом в Колумбии. И теперь он экстренно вернулся из США, чтобы обсудить с нами одно срочное дело.

Все еще не отойдя от шока, Астадо рассказал нам, что находился дома, когда ему на мобильный позвонил не кто иной, как глава картеля Кали – Мигель Родригес Орехуэла.

– Альфредо, это Мигель Родригес. Вам следует приехать в Кали. Мы хотим поговорить с вами, – сухо уведомил мафиозо, даже не поздоровавшись.

– Сэр, у меня здесь есть несколько дел, которые нужно решить, я не смогу приехать в Колумбию еще два или три

месяца.

– Я даю вам четыре дня. Если вы попытаетесь скрыться, я найду вас, но уже с другой целью.

История Альфредо встревожила нас. Немногим был известен номер его телефона, да и жил он в заштатном городке, где практически невозможно было наткнуться на других колумбийцев. Поэтому он и примчался в Боготу, чтобы до поездки в Кали переговорить с нами.

Мы умоляли его отказаться от встречи, но Альфредо ответил, что у него нет другого выбора, потому что Родригесы уже разыскали его в Америке, а значит, смогут выследить в любой другой точке планеты. Стало ясно, что главарей картеля Кали не устроило вмешательство Исмаэля Мансеры и Анхелы, и они решили выйти на прямой контакт с нами.

Альфредо прибыл в Кали, остановился в отеле «Интерконтиненталь», и на следующий же день его встретил мужчина и отвез в роскошный дом на юге Кали, где жили братья Родригесы. Помимо хозяев дома присутствовали еще три других человека, которых он никогда раньше не видел.

– Сеньор Астадо, мы тщательно изучили вашу жизнь и ваши связи и знаем о вас достаточно много. Вы тесно связаны с семьей Энао в Пальмире, так что вы – один из тех, кто может нам помочь решить эту проблему. Война с Пабло вышла из-под контроля, погибло великое множество невинных людей. Мы хотим разобраться с первопричинами ситуации, и для этого нам очень нужно поговорить со вдовой Пабло, –

объяснил Мигель Родригес, выступая в качестве представителя группы.

Альфредо расслабился: очевидно, ему ничего не угрожало. Он не только предложил свои услуги во всем, что бы ни потребовалось, но также предложил, чтобы мать со мной отправилась в Кали на встречу с ними. Однако ответ, на этот раз от Хильберто Родригеса, был довольно категоричным:

– С ней мы готовы встретиться. Но не с Хуаном Пабло Эскобаром. Этот мальчонка ест как утка, ходит как утка, он и есть утка – совсем как Пабло. Маленький ребенок, который должен прятаться под юбкой своей матери.

Несмотря на резкий тон главарей Кали и на их почти осязаемую ненависть к моему отцу, Альфредо вернулся в Боготу с весьма успокаивающим посланием, полный решимости как можно скорее вернуться в Кали с моей матерью.

За неимением другого выхода мы не стали тратить время на споры о том, в наших интересах такое решение или нет. Вместо этого мы приступили к организации побега: мы должны были уехать из резиденции «Такендама» так, чтобы прокуратура об этом не узнала. Оценив несколько вариантов, мы сошлись на решении использовать как прикрытие психолога, которая раз в неделю приезжала к нам на час. Было нетрудно заставить ее понять, в каком трудном положении мы оказались, и убедить помочь нам. Таким образом, мать притворилась, что заперлась с психологом на весь день, ссылаясь на то, что проходила специальное лечение, направ-

ленное на борьбу с депрессией. Охрана даже не заподозрила ничего. Тем временем мать спустилась по пожарной лестнице с двадцать девятого этажа и вышла на улицу, где ее в арендованном фургоне ждал Альфредо.

Поездка вышла относительно непримечательной, хоть и была полна беспокойства о скорой встрече с жестокими людьми, наделенными огромной властью всех сортов – экономической, политической и военной. Мы имели дело фактически со всемогущими правителями страны, с мафией, которая, избавившись от моего отца, единственного человека, бросавшего им вызов в течение нескольких лет, теперь могла делать все, что заблагорассудится.

Как только они добрались до Кали, Альфредо позвонил Мигелю Родригесу. Он очень удивился, что моя мать так скоро приехала, и приказал ждать в принадлежащем ему отеле в центре Кали, пока он соберет всех остальных.

Двадцать часов спустя – что удивительно – Родригес лично приехал за ними и отвез в имение в Каскахале, где обычно тренировалась футбольная команда Кали «Америка».

Атмосфера была крайне напряженной от первого мгновения и до самого конца встречи. Мать в траурном платье и Альфредо вошли в большую комнату, где уже собралась верхушка Лос Пепес – около сорока человек, сливки колумбийской наркоторговли, не считая какого-то безумного количества вооруженных до зубов телохранителей. В руке у матери была бутылка минеральной воды; для нее оставили

пустой стул в центре стола, слева от Мигеля Родригеса и напротив Хильберто Родригеса, смотревшего на нее с презрением. Кроме них за столом восседали Хельмер Пачо Эррера, Хосе Чепе Сантакрус, Карлос Кастаньо и по трое представителей семей Херардо Кико Монкады и Фернандо Галелано, которые по приказу моего отца были убиты в тюрьме Ла-Катедраль. Альфредо максимально незаметно разместился в одном из углов стола.

– Говорите, что хотели сказать, сеньора, – отчужденно, с вызовом, заговорил Хильберто.

– Послушайте, война окончена. Мы хотим договориться с вами о том, чтобы сохранить жизнь мне и моим детям, семье Эскобар, нашим адвокатам, вообще людям Пабло Эскобара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.